

СТОЛБОВ В.П., ДМИТРИЕВА Ю.В., БАРАНОВ И.А. СМЯТЕНИЕ ГРОЗНОЙ ОСЕНИ 1941 ГОДА

Начало Великой Отечественной войны и информация о первых днях поражения и отступления Красной Армии вызвали в обществе определенное смятение, жизнь советских людей раскололась на довоенное время и время войны, разрушались иллюзии людей в оценке подготовки страны к войне и ее ведению. Подобное состояние можно рассматривать как результат своеобразной психологической травмы миллионов людей, полученной вследствие формирования в их сознании искаженных представлений о том, что война с Германией не есть какая-то неизбежность, а если она и возникнет все же, то лишь после того, как Германия разобьет Англию. Произойти это может лишь в 1942 году. Причем массовая пропаганда всячески утверждала, что война СССР с фашистской Германией, если она и произойдет, будет блистательной и скорой, с малыми потерями, военные действия будут вестись на территории врага [1, с.119-122].

В отечественной исторической и публицистической литературе феномену смятения в социальной жизни советского общества не уделялось внимания из-за идеологических соображений, а также вследствие официально принятой трактовки советской истории, как истории проявления массового героизма. Современная либерализация архивного дела, т.е. снятие грифа секретности с многих документов предвоенной и военной истории, позволяет реально оценивать события тех лет.

Понятие «смятение», характеризуемое напряжением и тревогой со стороны всех социальных сил (социальных групп, социальных институтов, организаций и учреждений), в словаре Ожегова определяется как *«сильное волнение, тревога, паника и растерянность» в поведении индивида и в обществе»*.

Понимание причин проявления такого явления в общественной жизни противоречиво и многозначно. Вполне естественно, что, в первую очередь, в качестве причины можно рассматривать недалекую, ошибочную политику со стороны советской политической и военной элиты. Показательным фактом такой политики являются итоги войны с Финляндией (1939-1940 гг.), которая показала неподготовленность армии к ведению военных действий в зимних условиях. Причиной является также определенная близорукость советской политической элиты во главе со Сталиным по отношению к фашистской Германии. Заключение пакта Молотова-Риббентропа в августе 1939 года всячески пропагандировалось как крупный успех на дипломатическом фронте между СССР и Германией, вопреки действиям дипломатии Англии и Франции.

В сознание советского общества средствами массовой пропаганды вносилась идея о превосходстве военной доктрины, разработанной Генштабом РККА, которая предполагала наступательные действия и осуществление военных операций только на территории врага. В соответствии с этой доктриной был произведен демонтаж проволочных заграждений на границе в канун войны, отсутствовали минные поля, не минировались мосты через водные преграды. В речи при выпуске слушателей военных академий в Кремле 5 мая 1941 года указывалось, что Рабоче-Крестьянская Красная Армия будет самой нападающей из всех когда-либо нападавших армий. При этом Германия была обозначена в качестве самого вероятного противника в будущей войне. В том случае, если война будет развязана, то она должна начаться весной 1942 года. В связи с этим отметим интересный факт. При знакомстве с личным архивом красноармейца А.В. из Иванова, проходившего службу в Житомирской области в 1940-1941 гг., ясно видно, что на политзанятиях среди красноармейцев нередко вели разговор о предстоящей войне.

6 мая 1941 года Сталин объединил в своих руках партийную, государственную и военную власть, т.е. стал Главнокомандующим РККА. Реализуя положения наступательной доктрины Генштаб РККА 15 мая передал во все пограничные округа директиву: *«...быть готовым по указанию Главнокомандующего нанести стремительные удары для разгрома противника, перенесения военных действий на его территорию и захвата важнейших рубежей»* [2] (заметим, что полный текст этой директивы не опубликован до настоящего времени). Вместе с тем, как это ни странно, всем приграничным военным соединениям в ответ на облеты немецкой авиацией пограничной территории страны была отведена установка: *«Не поддаваться на провокации!»*

Неоднозначная оценка деятельности военно-политической элиты в 1940-1941 гг. дается современными историками и политологами в игнорировании ею известных фактов открытой демонстрации со стороны фашистской Германии подготовки к войне с СССР, заявление о которой было сделано еще в 1936 году. В 1938 году 20 февраля Гитлер в своей речи в рейхстаге заявлял, что Германия стремится к сближению со всеми государствами, за исключением СССР, такое противостояние Востоку рассматривалось как судьбоносная проблема Европы. 30 марта 1941 года Гитлер заявил перед командованием вермахта: *«Наша задача в отношении России – разбить ее*

вооруженные силы, ликвидировать государство... Коммунизм – огромная опасность для будущего. Мы должны отказаться от ложного чувства солдатского товарищества. Коммунист нам не был и никогда не станет товарищем. Война будет идти на уничтожение» [3, с.90].

В последние предвоенные дни Германия прекратила все поставки по договорам, эвакуировала свое посольство из Москвы. На приграничной зоне активно наращивались вооруженные силы и техника. Советскими разведчиками, а среди них и знаменитым Р.Зорге, перебежчиками с германской стороны давалась информация о дне и часе нападения фашистской Германии на СССР, но ей не всегда придавалось соответствующее значение Сталиным и в Генштабе. В «Размышлениях» Г.К.Жукова приводятся довольно интересные оценки отношения Сталина к информации о готовящемся нападении со стороны Германии на СССР: *«Нас пугают немцами, а немцев пугают Советским Союзом и направляют нас друг на друга»*, в другом месте книги маршал вспоминал такие суждения Сталина: *«Нам один человек передает очень важные сведения о намерениях гитлеровского правительства, но у нас есть некоторые сомнения»* и, наконец, *«... сведения являются ложными и специально направлены по этому руслу, чтобы проверить, как на это будет реагировать СССР»* и *«...не во всем можно верить разведке»* [2, с.235, 239, 240-241].

По мнению некоторых современных историков, изучавших деятельность Генштаба РККА в предвоенные дни, отмечалось, что все военачальники Генштаба были послушными исполнителями воли вождя. Среди старших офицеров ходило мнение о том, что Сталин обладал какой-то сверхсекретной информацией. Объяснение всему этому следует искать в результатах тех репрессий, которые проводились в армии последние 5 лет перед началом войны. Вследствие репрессий было расстреляно 70% высшего офицерского состава, а на посту начальника Генштаба сменилось 4 человека; безвинно погибло около 50 тысяч человек командного состава, общее число репрессированных в армии было значительно больше. Как результат необоснованных репрессий в 1941 году некомплект по штатам составлял 67 тысяч командиров в сухопутных войсках, а в летно-техническом составе – около 32% [4]. Интересную информацию о состоянии советского офицерского корпуса на начало 1941 года давал генерал, начальник немецкого генштаба Гальдер: *«...России потребуется 20 лет, чтобы офицерский корпус достиг прежнего уровня»* [5].

В условиях явной военной опасности 13 июня 1941 года представители Генштаба все-таки предложили Сталину дать указание о приведении войск приграничных округов в боевую готовность и развернуть первые эшелоны прикрытия. На это предложение Главнокомандующий ответил: *«Подумаем!»* Парадоксально, но 14 июня 1941 года радиовещание и печать распространили сообщение ТАСС: *«Слухи о намерении Германии порвать пакт, и предпринять нападение на СССР, лишены всякой почвы, и происходящая в последнее время переброска германских войск... в восточные и северо-восточные районы Германии связана, надо полагать, с другими мотивами, не имеющими касательства к советско-германским отношениям»* [6, с.58-59].

Начало войны рано утром 22 июня 1941 года Германией против СССР вызвало шок и растерянность у Сталина и его окружения. Только в 00 часов 30 минут 22 июня поступила директива в войска: *«Все части привести в боевую готовность. Войска держать рассредоточенно и замаскированно. Никаких других действий не проводить»* [2, с.243-244]. Как следствие такого тактического просчета в первый день войны с советских военных аэродромов не взлетели в воздух более 1200 самолетов, они были уничтожены в результате бомбежки, не завели моторы 900 танков – они были сожжены. Первый немецкий самолет был сбит над Брестом в 3 часа 30 минут.

Ошибочные концепции в военной доктрине Генштаба РККА сказались на состоянии дел в армии в первые дни и месяцы войны с фашистской Германией. Оно выразилось в хаосе и беспорядке в войсках приграничной полосы. В полночь 22 июня в войска была передана директива, одобренная Сталиным, о контрнаступлении войск с выходом на территорию врага. Выполнение этой директивы в условиях отсутствия связи с войсками и Ставкой командования имело печальные последствия и повлекло за собой гибель и окружение сотен тысяч солдат Красной Армии. Однако и в этой сложной обстановке на отдельных участках сражений с немецкими войсками проявлялся героизм красноармейцев. Так, оборона Брестской крепости стянула и задержала на месяц продвижение отдельной группы немецких войск. В первый день начавшейся военной катастрофы, ушли в бессмертие и выполняя свой воинский долг, начальник погранзаставы лейтенант Н.С.Слюсарев, 11 дней держала отпор застава А.В.Лопатина, совершил воздушный таран первый в истории войны летчик, старший лейтенант И.И.Иванов, этот подвиг через 4 дня совершил летчик Н.Гастелло, героями первых дней войны стали летчики-истребители С.И.Здоровцев, М.П.Жуков, П.Т.Харитонов. При всем героизме красноармейцев на отдельных участках военных действий оборона советских войск носила очаговый характер, войска вступали в бой зачастую не одновременно и

неорганизованно, отсутствие резервов войск и техники не позволяло сохранять фронтовые позиции, отступление войск носило массовый характер.

Первые месяцы Великой Отечественной войны вызвали среди населения страны недоумение и растерянность от происходящих событий, сомнения и колебания в правильности политики Сталина и его окружения породили растерянность и страх перед предстоящими трудностями. Само обращение Сталина к советским людям только через несколько дней после начала войны, 3 июля 1941 года, породило немало слухов и предположений среди людей. Ежедневно радио транслировало сводки с фронтов, заканчивая словами: «...был оставлен город». Война со стороны немецких войск разворачивалась по правилам *blitzkriega*, несмотря на яростное сопротивление отдельных воинских частей и гарнизонов Красной Армии.

За ошибки в военной доктрине Генштаба РККА пришлось расплачиваться отступлением армии и оставлением территории страны (хроника тех дней такова: 24 июня был захвачен Каунас, 26 июня пал Даугавпилс, 28 июня – Минск, 30 июня – Львов, 2 июля - Псков, 19 сентября был окружен Киев), массовой бомбардировкой городов и железнодорожных узлов (первая бомбардировка Москвы произошла 22 июля), потерями военной техники (за первые летние месяцы войны Красная Армия потеряла 7600 танков, 6233 самолета), окружением и пленением в «котлах» немцами сотен тысяч красноармейцев (было взято в плен под Минском более 300 тысяч, под Смоленском 310 тысяч, под Уманью более 100 тысяч, в котле под Киевом – 665 тысяч, под Вязьмой – 663 тысячи солдат). Это какой-то парадоксальный «рекорд», никем не превзойденный в том, как сдаваться агрессору. Гитлер напал на СССР с армией всего-то в 3,5 миллиона. И этой армии сдались в 1941 году около 3 миллионов солдат и офицеров кадровой Красной Армии. Кто-то, конечно, воевал и не сдавался, но как почти большая часть кадровой армии страны (из 5,5 миллионов человек) сдалась немцам за полгода – это большой вопрос для современных историков и социологов войны [7, с.11].

Что двигало сдавшихся в плен людей? Вероятно, «работало» нежелание кого-то убивать, хотя это был враг, другое – попытка избавиться от ненавистного строя бывшим крестьянам в солдатских обмотках, которые помнили насилие коллективизации в стране; вероятно, определенная часть военных и также гражданского населения в 1941 году видели в наступлении фашистских войск «освобождение от большевизма», Сталина, который был «у народа в печенках». Потому, вероятно, армия и сдавалась «освободителю» Гитлеру. По мнению некоторых историков войны, только с 1943 года русские и другие национальности СССР перестали массово и добровольно сдаваться немцам, и только с 1943 года, видимо, война превратилась действительно в Отечественную. И вот тогда все встало в нормы войны. Реакцией на сдачу красноармейцев в плен было издание приказа Ставки Верховного Главнокомандующего №270, по которому сдавшихся в плен «...считать злостными дезертирами, семьи которых подлежат аресту как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров...» [8].

Военная летне-осенняя кампания была военной катастрофой. Обвинение за создавшееся положение Главкомом и Ставкой Главного Командования было предъявлено командирам многих соединений и оперативным работникам, которые во многом были невиновны. Это были не злонамеренные действия. По воспоминаниям маршала Г.К.Жукова, эти командиры не имели достаточного опыта в руководстве военными действиями, это были люди просто молодые и неопытные в военном отношении [9, с.250; 6.]. Конечно, было и много растерявшихся командиров, которые не смогли скоординировать свои действия вследствие противоречивых директив высшего командования. Вместе с тем, это был результат тех необоснованных репрессий, проводившихся против офицеров Красной Армии в конце 30-х годов, развившейся подозрительности к своему народу у определенной части политической элиты страны. Как вспоминал маршал Г.К.Жуков: «В период назревания опасности военной обстановки Генштаб не смог убедить Сталина в неизбежности войны с Германией и доказать необходимость проведения в жизнь срочных мер по укреплению границ» [2, с.238]. Так уж получилось, что многие из этих людей попали под гильотину репрессий, на их головы была возложена вина, а высшая военно-политическая элита сняла вину с себя. Естественно, как следствие событий лета-осени 1941 года, возникло смятение в умах и душах людей.

Для устранения просчетов в военной доктрине Генштаба Красной Армии и пополнения армии была объявлена всеобщая мобилизация, по которой в Вооруженные Силы было призвано 5,3 млн. человек, в том числе 650 тыс. офицеров запаса. По данным бывшего начальника Генштаба Вооруженных Сил СССР генерала армии Моисеева М. в первый год войны было мобилизовано 10 млн. человек, из них на фронт было отправлено 3 млн. человек [10]. Из народного хозяйства на фронт было направлено 234 тыс. автомашин и 31,5 тыс. тракторов. В дальнейшем проводилось несколько мобилизаций для нужд фронта. Срочно формировались новые части и соединения. С конца июня до 1

декабря 1941 года в действующую армию были направлены 291 дивизия и 94 бригады, в том числе: вновь сформированных 194 дивизии и 94 бригады, из внутренних военных округов — 70 дивизий, с Дальнего Востока, из Закавказья и Средней Азии — 27 дивизий. На добровольных началах создавались отряды, полки и дивизии народного ополчения, инициаторами этому явились трудящиеся Москвы и Ленинграда. Летом и осенью 1941 года было создано около 60 дивизий, 200 отдельных полков, большое число батальонов и отрядов народного ополчения общей численностью около 2 млн. бойцов. Всего же по стране изъявило желание вступить в народное ополчение более 4 млн. человек. Войска, укомплектованные новобранцами, сразу же вступали в бои и сражения против хорошо отмотелизованных и обученных войск противника. Поэтому среди новобранцев и ополченцев были самые высокие потери. Кроме того, было создано, главным образом в прифронтовой полосе, 1755 истребительных батальонов для борьбы с вражескими диверсантами и охраны объектов государственного значения. В грозном 1941 году около 10 млн. трудящихся участвовало в оборонительных работах [11, с.62].

Было бы неверным считать, что германская армия не испытывала также определенного смятения в летне-осенней военной кампании и не несла потерь в технике и живой силе. По воспоминаниям участников войны, на тех участках военных действий, где действовали со стороны советских войск танки КВ, их грозная сила и разрушительные действия вызывали у немецких солдат не только смятение, но и бегство. По официальным, несомненно уменьшенным немецким данным, фашистская армия к середине июля потеряла до 100 тысяч солдат, более 1200 самолетов и около 50% танков [3, с.67]. Всего же за летне-осеннюю кампанию гитлеровцы потеряли четверть миллиона солдат убитыми и 100 тысяч инвалидами [5, с.6]. Надо отметить, что следствием летне-осенних военных действий для военной доктрины немецкого Генштаба было крушение *blitzkrieg*. Это подтвердилось в ходе обороны Москвы и широкомасштабного контрнаступления Красной Армии, дивизий народного ополчения в декабре 1941, продолжившегося до апреля 1942 года, в результате которого враг был отброшен на 300 километров от московских рубежей (в битве под Москвой Красная Армия имела в своем составе 1,1 млн солдат, немецкая сторона – 1,8 млн солдат, танков у Красной Армии -774 единицы, в немецких войсках -1170 единиц. Оборона Москвы и зимне-весеннее контрнаступление РККА, по мнению военных экспертов, обошлось воюющим сторонам в 1 млн человеческих потерь, с советской стороны наибольшие потери были среди добровольцев Народного Ополчения). По мнению историков обороны Москвы, ополченцы-москвичи в составе Добровольного Народного Ополчения остановили группу армий "Центр" и ценой своих сугубо мирных жизней поломали всю операцию "Тайфун". А может и весь ход войны переломили. В составе народного ополчения, состоящего в основном из непрофессиональных воинов, были люди мирных гражданских профессий, отдавших свои жизни за освобождение городов Подмосковья, за свою Отчизну. По воспоминаниям писателя Д.Гранина, в защите Ленинграда Народное Ополчение ценой своих жизней помогло отстоять город.

Военная катастрофа 1941 года привела к оккупации врагом огромной территории, на которой проживало до войны около 40% населения страны, производилось 68% чугуна, 58% стали, 64% угля, 38% зерна, 84% сахара. От создавшегося положения, в первую очередь, страдало гражданское население, находящееся под бомбежками, артобстрелами. Часть населения стремилась прорваться через фронт, другая часть – выбраться из прифронтовой территории. 24 июня был сформирован Совет по эвакуации, однако быстрое продвижение немецких воинских частей по территории страны и паническое поведение вследствие этого у людей привели к заполнению дорог, железнодорожных магистралей многотысячными толпами беженцев. Беженцы заполняли города в тылу страны. Общественный транспорт был перегружен, остро заявила о себе проблема обеспечения продовольствием. Беженцы же зачастую были распространителями различных противоречивых слухов. Острота положения в стране углубилась осенью 1941 года, когда немецкие армии приближались к Москве. В городах, не занятых немцами, распространилась паника, усугубляемая отсутствием достоверной информации. Страх оказаться в зоне боевых действий, страх голода, неуверенность в своих возможностях вызывали у многих людей неадекватное поведение, не соответствующее закону военного времени, это было своеобразное сопротивление создавшейся обстановке, приводящее к непредсказуемым действиям.

В первые недели фашистского нашествия, как свидетельствовали донесения осведомителей НКВД, большое число людей обнаруживали свои «нездоровые настроения» и распространяли провокационные слухи. Так, по данным НКВД в Москве зафиксированы высказывания о том, что якобы гитлеровцы, захватывая советские города, развешивают объявления с заявлениями, что не будут наказывать рабочих за опоздания на работу на 21 минуту. За подобные слухи и их распространение в период с 22 июня и по 1 сентября было подписано 2524 приговора, в том числе

204 к смертной казни (из доклада Главного военного прокурора «Об уголовных преступлениях на железных дорогах») [12, с. 213, 702].

В недавно опубликованном сборнике документов об общественных настроениях в Москве в первые месяцы войны подчеркивается растерянность жителей города перед германским нашествием 1941 года. Москвичи как бы разделились на три группы: «патриоты», «болото» и «пораженцы» [13].

По воспоминаниям жителей Москвы о периоде осени 1941 года в городе отмечалось паническое настроение вследствие начавшихся боев на самых подступах к городу, ночных и дневных авианалетов, пожаров. Особенно это смятение усилилось после 15 октября в связи с действием постановления Государственного Комитета Обороны от 15 октября «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы». Согласно этому постановлению Москву должны были покинуть Правительство, Управление Генштаба, военные академии, наркоматы, посольства, заводы и пр. Крупные заводы, электростанции, мосты и метро следовало заминировать, выдать рабочим и служащим сверх нормы по пуду муки или зерна и зарплату за месяц вперед.

Такие меры правительства привели москвичей в испуг, началась массовая эвакуация населения по шоссе Энтузиастов на восток. Из Москвы эвакуировались почти 2 млн жителей, среди населения распространилась паника. Москвич Решетин в своем дневнике так описывал происходившее: *«Шестнадцатого октября шоссе Энтузиастов заполнилось бегущими людьми. Шум, крик, гам. Люди двинулись на восток, в сторону города Горького... Застава Ильича... По площади летают листы и обрывки бумаги, мусор, пахнет гарью. Какие-то люди то там, то здесь останавливают направляющиеся к шоссе автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривают их по земле.* [14,15].

Из дневника журналиста Вержбицкого: *«... в очередях драки, душат старух, дают в магазинах, бандитствует молодежь, а милиционеры по два-четыре слоняются по тротуарам и покуряют: „Нет инструкций“ ... Опозорено шоссе Энтузиастов, по которому в этот день неслись на восток автомобили вчерашних „энтузиастов“ (на словах), груженные никелированными кроватями, кожаными чемоданами, коврами, шкатулками, пузатыми бумажниками и жирным мясом хозяев всего этого барахла...»* [14,15].

Растерянность и бездействие власти, безнаказанность, желание многих спастись, выжить любой ценой, привели к тому, что в городе возникла обстановка грабительского азарта, при которой человек, и не являющийся преступником, поддавшись общему настроению, может совершить преступление [14,15].

Но и бывалые преступники не теряли времени даром. Один бандит пытался вывезти на детской коляске два чемодана с бриллиантами и золотом. Его задержали чекисты, уж больно подозрительной показалась им физиономия уголовника в сочетании с детской коляской. Но некоторым уголовникам в те дни все-таки повезло. Стрелки военизированной охраны Капотнинского отдельного лагерного пункта бросили эшелон, где везли заключенных, и разошлись по домам.

К лицам, совершавшим нетяжкие преступления и способным держать винтовку, трибунал применял пункт 2-й примечания к статье 28-й Уголовного кодекса, позволяющий отсрочить исполнение приговора до окончания военных действий, а осужденного направить в действующую армию. В приговоре по делу Родичева А.П., отставшего от части и возвратившегося в Москву, это выглядело так: *«... назначить Родичеву по статье 193-7 „г“ УК РСФСР (дезертирство) наказание в виде десяти лет лишения свободы... Исполнение приговора отсрочить до окончания военных действий. Направить Родичева в ряды действующей Красной армии. В случае проявления себя Родичевым в действующей Красной армии стойким защитником СССР предоставить ходатайство перед судом военно-начальствующему составу об освобождении Родичева от отбытия наказания или применения к нему более мягкой меры наказания»* [14,15].

Такое положение дел в Москве продолжалось недолго. 20 октября постановлением Государственного Комитета Обороны в Москве и в прилегающих к городу районах было введено осадное положение (некоторые называли его «досадным»).

Из постановления Государственного Комитета Обороны:

«Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100-120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Обороны постановил:

1. Вести с 20 октября 1941 г. в Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правилам, утвержденным московской противовоздушной обороной и опубликованным в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта Москвы генерал-майора т.Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Обороны призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. Сталин» [14].

Вряд ли следует отрицать, что подобные факты поведения людей не имели места в других областных городах или промышленных центрах, и, хотя они не имели достаточно массового характера, эти факты являются свидетельством настроения и смятения людей в грозную осень 1941 года. Подобное настроение вызывали также приказы Ставки Главного Командования о демонтаже промышленного оборудования или подготовке промышленных объектов к их уничтожению в случае приближения врага.

В своем дневнике Владимир Натанович Гельфанд описывает обстановку, царившую в июле 1941 года в Днепропетровске: «По улицам суетилось множество людей. Трамваи были переполнены, и люди висели на подножках, так что нам с трудом удалось сесть и выбраться из него на нужной остановке... Это было ужасно и неожиданно... Комсомольцы и не комсомольцы клеили окна, рыли ямы, хлопотали, шумели и вообще все были в необычном состоянии» [16].

Имеются свидетельства о подобном положении дел в сентябре-октябре 1941 года и в Ессентуках: «Город постепенно пустел, и население его редело с каждым днем. Казалось нелепым это бегство жителей из города... город волновался... Днем и ночью город оставляли тысячи его жителей. Начали растекаться слухи. Остающиеся в городе с негодованием смотрели на убывающих» [16].

Состояние смятения, страха и растерянности наблюдались в первые месяцы войны в Иванове и других городах области. Особенно это проявилось осенью 1941 года в период сражения под Москвой, когда фашисты подошли совсем близко к границам Ивановской области. Иным стал и облик города. С наступлением темноты окна в домах и на предприятиях плотно занавешивались. Специальные дежурные обходили улицы и строго следили за соблюдением светомаскировки. На улицах стояли ящики с песком на случай бомбардировки зажигательными бомбами. Сотни ивановцев с лопатами направлялись по Лежневскому шоссе строить оборонительные сооружения на подступах к городу. С перебоями работал общественный транспорт, часть трамваев приспособили для перевозки раненых. Не хватало топлива, дома плохо отапливались. Возникли серьезные трудности с продовольствием. Особенно тяжелой выдалась первая военная зима. По карточкам выдавались товары первой необходимости: рабочим 600 граммов хлеба в день, так называемым “иждивенцам” – 400 граммов, детям – 300 граммов.

Очевидец подобного положения в Иванове описывал: «На станции разгружали эшелон с ранеными, вокзал был забит худыми измученными женщинами с малыши ребятами на руках, сидевшими между узлов и чемоданов. По затемненным улицам изредка пробегали переполненные трамвайные вагоны с висящими на подножках людьми, у хлебных магазинов длинные очереди» [17, с.135]. В область прибыло около 100 тысяч беженцев. Усталые, полуголодные люди своими рассказами создавали настроения смятения у некоторой части жителей города.

Документальные свидетельства по Ивановской области подтверждают факты проявления смятения среди горожан, усилившегося в связи с начавшимся демонтажем оборудования на некоторых текстильных предприятиях города. О протестных выступлениях на текстильных предприятиях в городе и области указывают источники, в которых эти факты введены в оборот относительно недавно [18, с.214; с.166; с.43-52; с.111-136]. Высказывания людей и протестные действия были зафиксированы в документах НКВД, спецзаписках, докладах партийных и советских работников в первые месяцы начала войны. Следует уточнить, что составление этих документов входило в круг обязанностей органов безопасности, и речь в них велась в основном о настроении, социально-психологическом состоянии жителей ряда городов и промышленных предприятий в

Ивановской области, которые были охарактеризованы как «негативные» по отношению к руководству страны в целом и к власти на местах. Основная доля (около 90%) записок содержала информацию о негативных настроениях и действиях населения [19, с. 111-136].

Исследователи фактов протестных выступлений в Иванове подчеркивают, что, учитывая характер доминирующей в области текстильной промышленности, состав протестующих был в основном женским, это соответствовало и военной обстановке, при которой мужчины военнообязанных возрастов и добровольцы в составе народного ополчения были на фронтах, а на плечи женщин легли многие семейные заботы. Среди протестующих нередко были и рядовые члены партии, социальное положение которых мало отличалось от положения беспартийных рабочих, а представители партийной номенклатуры от них были достаточно далеки [19, с.111].

Конечно, это совсем не значит, что освещался только негативизм в оценках настроения людей. Нередко в них проскальзывал и сдержанный оптимизм. *«Общее политическое настроение среди трудящихся области вполне удовлетворительное»* [20, д.7. л.17]. В некоторых же документах отражался нескрываемый патриотизм людей. *«Нагло-разбойничье нападение фашистской Германии на советскую территорию вызвало неудержимый гнев и возмущение рабочих и служащих предприятий города... В ответ на кровавую вылазку зарвавшегося врага работницы швейного производства стали работать еще лучше. Наряду с подъемом производства, они наполнены патриотизмом к своей Родине... Ненависть к фашизму настолько велика, что в производстве среди работниц зачастую можно слышать возгласы «Растерзать эту гадину!»* [20, д.7, л.10]. Отражением подобного патриотического сознания среди населения области, рабочих промышленных предприятий, колхозов и совхозов является факт формирования военных дивизий из военнообязанных и гражданских лиц, их отправка на фронт.

Вместе с тем, как свидетельствуют документы были и иные настроения среди людей, которые можно объяснить страхом, голодом, неуверенностью в завтрашнем дне. Прежде всего, разговоры велись об ошибках, допущенных руководством страны в отношениях с Германией. Рабочий железнодорожной ветки станции Меленки говорил: *«Вот так друг Гитлер-то Советскому Союзу! А наши дураки в течение двух лет кормили, обували, военное снаряжение отправляли, а нас морили голодом»* [20, д.7, л.21]. Так же думал и некий Ж.: *«Я вот тебе говорил, что накормим себе врага на шею»* [20, д.7, л.6].

Существовало также мнение, что войну начала не Германия. *«Я все же думаю, что мы сами напали на Германию, иначе не могло быть. Германия не могла решиться напасть первая»* (начальник Владимирского горжилуправления, член ВКП(б) Б.) [20, д.7, л.12].

Также не нравилось населению области, как освещался начальный этап войны в средствах массовой информации. Его обижало и оскорбляло сокрытие правды, реальной картины боевых действий на фронтах. Старший кочегар П., принимая участие в обсуждении заявил: *«Из выступления ничего не поймешь. У них только одни лозунги – «Наше дело правое», «Победа будет за нами» – а немец все прет и прет. Вот тебе и ни одной пяди своей земли не отдадим. Немец Ленинград и Одессу возьмет, а Москву сами отдадут. Вот говорят, что победа будет за нами, а правды о войне по радио не передают. Только и слышно, что противник потерял столько-то самолетов, а о наших потерях ничего не говорят»* [20, д.7, л.18]. И, как следствие, отсутствие правдивой информации, а то и откровенная дезинформация породили слухи и панику среди населения. Самые распространенные слухи – о предательстве военачальников. *«На фронте 15 тысяч наших войск добровольно сдались в плен. Ворошилов отказался воевать. Наше правительство продало страну»* (жительница С., село Аньково) [20, д.7, л.142]. Также популярны были слухи о Москве. *«Немцы во время налетов на Москву бросают бомбы, начиненные песком, в которых находятся листовки, призывающие русских бросить оружие и получить свободу и хлеб»* (жительница деревни Шухра Гаврилово-Посадского района) [20, д.7, л.88].

Еще бредовее были слухи об Ивановской области. *«Сегодня в городе спустились два парашютиста. Ходили и отравляли воду в колодцах»* (рабочий И., Южская ф-ка) [20, д.7, л.23]. *«Вчера около Кольчугино сел самолет. Самолет этот немецкий, так как на Кольчугинском заводе раскрыли большое вредительство – группа инженера хотела взорвать этот завод, а он военного значения»* – монтер П. ГЭС [20, д.7, л.16].

Из-за тяжелого положения на фронтах, сложной экономической ситуации в области в первые месяцы войны появились так называемые «пораженческие настроения». *«Вот уже четыре недели, как идет война, а наши и с места не двигают. Хлопают нашего брата. Весь фронт загружен одной молодятиной. «Товарищи» ничего не говорят о том, сколько убито наших и сколько без вести пропало»* (рабочий П.) [20, д.7, л.117]. *«Нашим войскам все равно не устоять. Гитлер ловко нас*

обманул, и нам с ним нечего и воевать. Ему еще подсобит Япония, и будет конец советской власти. Война эта скоро кончится, наших победят. Тогда опять запоем в церкви по-старому» (церковник города Макарьева З.) [20, д.6, л.9].

Следует заметить, что в высказываниях народа проявляется бесконечно наивное желание представить немцев высококультурной расой, совершенное непонимание сути фашизма и целей интервентов, которые были поставлены при вторжении на нашу территорию. «Немцы не допустят, чтобы крестьяне были в колхозах, а рабочие жили в нужде и неволе. Они-то вот действительно дадут нам полную свободу и снабдят нас всем необходимым» (портниха Пестяковской артели инвалидов Ф.) [20, д.6, л.162].

Должно быть, самым неприятным для советской власти было ожидание многих прихода Гитлера к власти и установления им новых порядков. «Весь народ ждет от немцев освобождения. Нужно бы развернуть агитацию до того, чтобы вразумить людей, что немцев нечего бояться, что хуже, чем сейчас, никогда не будет... Коммунизм забрал у людей всю радость жизни, и единственное спасение для народа только в победе немцев» (гражданка И., город Александров) [20, д.6, л.83].

Почему же были так сильны иллюзии у населения относительно немцев, где же хваленый русский патриотизм? Самое адекватное объяснение здесь – ностальгия по прежней жизни, нежелание принять новые послереволюционные порядки. Подобные высказывания составляют большую долю в исследованных документах. «Скорее бы разгромили советскую власть, а то сейчас хорошо живут одни коммунисты, а мы с голоду издыхаем» (домохозяйка Ю. из Комсомольска) [20, д.6, л.84]. «Вон до чего довели сволочи – ничего не стало, пей и ешь одну воду... Революция просуществовала 23 года, а дошли до того, что людей посадили на 400 граммов хлеба» (рабочий К., Кинешемский анилзавод) [20, д.6, л.142].

Конечно же, ответственность за неудачи первых месяцев войны народ возлагал на советскую власть в целом и Сталина в частности. «Гитлер прет и будет переть до победы, и уж тогда мы снимем Сталина. В этой войне, безусловно, повинен Сталин. Нам нужно помочь Гитлеру, а для этого надо сделать восстание. Народ ведь политикой недоволен и даже недовольно большинство коммунистов, верхушка творит, что вздумает» (колхозник Ш., деревня Хлябово Гаврилово-Посадский район) [20, д.6, л.142]. В документах имеются записки, отражающие недовольство советским режимом, вследствие этого некоторые граждане не хотели вставать на защиту Родины. «Этих паразитов коммунистов защищать не будем, их самих нужно расстреливать... Будете на фронте, переходите на сторону Гитлера...» (мобилизованный С.) [20, д.6, л.142]. Разумеется, судьба тех, кто настолько неосторожно высказывался, была незавидна. Большинство тех, о ком шла речь в спецзаписках, были привлечены к уголовной ответственности, а некоторые – расстреляны.

Ввиду того, что Иваново являлся городом с развитой текстильной промышленностью, следует обратить внимание на документы, отражающие мнения некоторых рабочих фабрик и заводов, их отношение к руководству, а также к забастовке и т.п.

В документах о событиях на предприятиях Ивановской области подробно описываются беспорядки, а также видна предполагаемая партийным аппаратом схема их трактовки. Среди участников волнений выискиваются родственники репрессированных или уголовники – и именно они далее считаются «враждебными элементами», спровоцировавшими несознательную массу рабочих. Частично доля вины возлагается и на местное начальство, оторвавшееся от масс и не сумевшее предотвратить эксцессы. Такая версия позволяла местным руководителям оправдаться самим, а центральной власти трактовать события как локальные, не требующие изменений в проводимой политике. Рабочих подобная версия также устраивала – ведь она помогала им избежать репрессий.

Из докладной записки «О положении на текстильных предприятиях Ивановской области»: «Недовольство вызывает заметно снизившийся заработок текстильщиков за последнее время, резкое ухудшение продовольственного снабжения, при большом повышении базарных цен на продукты питания, крайне скверная работа торговых организаций, фабричных столовых» [19, с.112]

«На Фурмановской фабрике №2 отдельные рабочие заявили «В Иваново рабочие объявили забастовку и им стали давать по килограмму хлеба». На собрании рабочих фабрики им. Ногина работница К. заявила: «Гитлер хлеб-то ведь не взял, ему мы сами давали, а сейчас нам не дают, ему что ли берегут? Два месяца провоевали, а хлеба не стало» [19, с.113-114].

В Докладной записке комиссии ЦК ВКП(б) заместителю зав. организационно-инструкторским отделом ЦК ВКП(б) М.А.Шамбергу отмечалось: «Руководители партийных и хозяйственных организаций своей нераспорядительностью, грубым отношением к людям усиливают недовольство рабочих, а враждебно настроенные элементы это используют» [19, с. 114]. Там же отмечалось:

«Директор фабрики им. Шагова т. Субботин 20 сентября издал приказ, в котором 21 сентября воскресенье объявлялось рабочим днем. В субботу в ткацкой фабрике на собрание смены, которая должна работать и в воскресенье, вместо 250 чел. пришло только 75 чел. На собрании директор зачитал свой приказ, добавив, что в августе месяце было общее решение рабочих об отработке в фонд обороны. Рабочие так и не поняли: приглашают их на воскресник или же это обычный узаконенный рабочий день. Попытка отдельных рабочих выяснить это дело ни к чему не привела. Директор после зачитания приказа закрыл собрание и на вопросы не стал отвечать. В результате рабочие не вышли, и работа ткацкой фабрики была сорвана» [19, с.115].

В оценке состояния партийно-политической работы в документах отмечалось: *«Проверка на месте показала исключительную запущенность агитационно-массовой работы на фабриках, в общежитиях рабочих. Секретари горкомов и райкомов ВКП(б) самоустранились от этой работы, оторвались от народа, чуждаются его»[19, с.115].*

Следует иметь в виду, что по своему характеру это не было сознательным выступлением против советской власти. Фабричные рабочие, в большинстве своем женщины, чьи мужья находились на фронте, в первую очередь, боялись остаться без средств к существованию, если оборудование вывезут, а предприятия взорвут. К этому присоединилось давно копившееся недовольство местным руководством, не заботившимся о нуждах трудящихся и бросающим их на произвол судьбы. В Докладной записке секретарю ЦК ВКП(б) А.А.Андрееву *«...Об антисоветских выступлениях рабочих текстильных предприятий г.Иваново и области 19-20 октября 1941 г.»* отмечалось: *«На льнокомбинате плохо заботились о бытовых нуждах рабочих. Выдача зарплаты рабочим последнее время задерживалась. Плохо было организовано снабжение рабочих предметами первой необходимости, районные организации не наладили даже продажу овощей. Много беспорядков было вскрыто в общежитиях рабочих. Так, общежитие, в котором проживает 500 рабочих, по выходным дням не отапливалось лишь на том основании, что был выходной день у кочегара» [19, с.128].*

Решение о демонтаже оборудования, осуществляемом к тому же в обстановке секретности, подтолкнуло рабочих к переходу от пассивных форм сопротивления к активным. Так, 15-16 октября на комбинате по указанию Наркомтекстиля была начата подготовка к демонтажу 50% оборудования. Вся эта работа проводилась в строго секретном порядке. Работа началась 17 октября – в выходной день на комбинате. Никакой разъяснительной работы среди рабочих проведено не было. В результате 18 октября рабочие, придя в 6 час. утра на работу, не зная ничего, увидели в цехах часть разобранного оборудования. Через несколько часов группа активных участников беспорядков пришла из ткацкой в отделочную фабрику, где стояли ящики с разобранном оборудованием, и начала разбивать ящики топорами и молотками [19, с.119]. Когда не удалось прекратить действия погромщиков, директор комбината Частухин заявил им: *«Если не дадите вывезти оборудование, то комбинат все равно взорвем, а врагу не дадим».* Провокаторы и кликуши немедленно побежали по цехам с криками: *«Комбинат сейчас взорвут вместе с рабочими, подложены мины, Частухин приказал» [19, с.119].*

Учитывая уроки событий, на всех фабриках и комбинатах были проведены закрытые партийные собрания и собрания рабочих, на которых с докладами выступили секретари обкома и горкома ВКП(б). На этих собраниях рабочим была разъяснена вся позорность их поведения в момент борьбы советского народа с германским фашизмом, показано лицо провокаторов и фашистских агентов. Рабочие обязались на деле исправить ошибки и успешной работой доказать преданность партии и Советскому правительству. На Яковлевском льнокомбинате ряд рабочих обратились с просьбой послать их добровольно на оборонительные работы. Многие работницы по собственной инициативе отработали сверхурочное время, прогулянное 20 октября [19, с.128].

Подводя итоги и анализируя многочисленные протестные высказывания, трудно сказать однозначно, чем были вызваны такие настроения населения Ивановской области летом 1941 года. Однако суммируя все, можно сказать, что прежде всего, это объяснялось совокупностью факторов социально-психологического характера (боязнь, страх, накопившаяся неприязнь, различного рода слухи, нагнетавшие сложную обстановку), организационного свойства (отсутствие информированности о положении дел, некоторая отстраненность руководства от насущных проблем рабочих на текстильных предприятиях), относительно низкой политической культурой и малограмотностью среди текстильщиков, экономическим упадком в связи с разрывом поставок сырья на предприятия Ивановской области, низким уровнем жизни и социальной защищенности населения, а также острой нехваткой продовольствия и боязнью остаться без работы и т.д.

Заметим, что данные материалы приводятся не для того, чтобы принизить советский народ, умалить его героизм. В мире нет ничего однозначного, тем более, если речь идет о величайшей

трагедии страны, в которой советский народ потерял на полях войны, пропавшими без вести, умершими от ран более 27 миллионов человек, и из которой советский народ вышел победителем над чумой фашизма и нацизма. Все советские граждане быть героями не могли, они, прежде всего, просто люди – со своими потребностями, представлениями, оценками, страхами и желаниями.

Однако факт смятения в душах людей, панические настроения у некоторой части населения не затмевают того обстоятельства, что к октябрю - декабрю 1941 года верх взяли более разумные настроения и более трезвая оценка необходимости концентрации духа и воли людей. В Иванове прошли массовые митинги и собрания, на которых люди клялись не щадить сил и жизни ради защиты Отечества. В городе открылось десять призывных пунктов, но еще до получения повесток многие подавали в военные комиссариаты просьбу об отправке на фронт добровольцами. Целый ряд воинских частей, отправившихся на фронт Великой Отечественной войны, с полным правом можно назвать “ивановскими” по своему составу. Первой из них была 307-я (впоследствии Новозыбковская) стрелковая дивизия, вступившая в бои на Брянщине в районе города Стародуба в летне-осенние дни 1941 года. В начале 1943 года дивизия участвовала в Воронежско-Касторненской операции, летом 1943 года отбивала атаки врага на северном участке Курской дуги, обороняла поселок Поньри.

Другой являлась 332-я (Иваново-Полоцкая) стрелковая дивизия им. Фрунзе, укомплектованная осенью 1941 года, в октябре направленная под Москву. В период контрнаступления в декабре 1941 – январе 1942 годов она продвинулась на запад более, чем на 300 километров, освободив города Андреаполь, Западную Двину и 920 других населенных пунктов. В феврале 1942 года дивизию выдвинули в район города Велиж Смоленской области, где шли тяжелые бои. Несмотря на значительные потери, она освободила город в сентябре 1943 года. В память этих событий одну из улиц Иванова назвали Велижской. Солдаты и офицеры 332-й дивизии сражались в северной Белоруссии в районе города Полоцка. За эти бои часть получила наименование Полоцкой. Свой боевой путь дивизия закончила у города Лиепай в Латвии.

117-я стрелковая дивизия, сформированная в декабре 1941 - феврале 1942 годов, была направлена на Калининский фронт. В феврале 1944 года она взламывала оборону противника у города Невель на Псковщине, освобождала Белоруссию. В составе 1-го Белорусского фронта наши земляки взяли польский город Люблин, отличились при форсировании Вислы и дошли до Берлина.

Ядро 49-й (Рославльской) стрелковой дивизии, формировавшейся в нашем крае в течение 1942 года, составили ополченцы Ивановского рабочего полка имени Фурманова (позднее 222-й полк). Дивизия сражалась в Сталинградской битве на окраине Сталинграда в районе завода “Баррикады”. Затем были бои на Курской дуге, освобождение Смоленщины. Осенью 1943 года часть прошла по дорогам войны около 200 километров, особенно тяжелыми выдались бои за город Рославль в Смоленской области, в честь которого дивизия и получила свое название. Летом 1944 года она прошла с боями около 700 километров по территории Белоруссии и Литвы. В январе 1945 года 49-я дивизия участвовала в прорыве линии обороны противника южнее Варшавы, форсировала Вислу и Одер, штурмовала сильно укрепленный Франкфурт-на-Одере, а в конце войны ликвидировала фашистскую группировку в районе Берлина.

В Иванове начинался путь легендарной авиаэскадрильи (затем - авиаполка) “Нормандия-Неман”. По соглашению между правительством СССР и патриотической организацией “Сражающаяся Франция” в конце 1942 года в Советский Союз прибыла группа французских летчиков. Базой для формирования новой части стал аэродром на северной окраине Иванова. Летчикам обеспечили приличные жилищные условия, предоставили 14 самолетов ЯК-1. В 1943 году французы уже воевали бок о бок со своими советскими товарищами по оружию.

Десятки тысяч наших земляков были награждены орденами и медалями. В. С. Гришанов и В. И. Пипчук стали полными кавалерами всех трех степеней ордена Славы, который, как и Георгиевский крест в русской армии, вручался за особое мужество на поле боя. Тридцать четыре жителя Иванова удостоились звания Героя Советского Союза. Среди них танкист Г. П. Александров и летчик С. И. Лазарев, сапер В. И. Веселов и артиллерист М. Я. Дубровин, разведчик И. М. Лобанов и пулеметчик В. П. Антонов[21]. За годы Великой Отечественной войны добровольцами и по мобилизации из области ушли 400 тысяч человек, не вернулось с войны 130 тысяч жителей области, в том числе из Иванова ушли на фронт около 70 тысяч человек, из них 27 тысяч не вернулись домой. Имена героев и погибших солдат увековечены в областной Книге Памяти, изданной в 1995 году, в настоящее время вследствие патриотического поиска молодежью и энтузиастами, она пополняется списками погибших на фронтах.